

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ВОДЕВИЛЯ.

Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій (Воробьевъ).

(Написано по поводу сорокалѣтія со дня его смерти).

„Онъ былъ весельчакъ и умница“.

Шекспиръ, Гамлетъ.

Этими словами, сказанными Гамлетомъ въ то время, когда онъ задумчиво всматривался въ черепъ Юрика, вырытый изъ могилы, одинъ изъ біографовъ Дмитрія Тимофеевича Ленскаго начинаетъ жизнеописание послѣдняго, а другой тѣми же словами Гамлета закончилъ такое же жизнеописание этого типичнаго представителя нашей сцены въ ея лучшія времена. Да и мы лично, ознакомившись съ многочисленными письмами и записочками Д. Т-ча къ разнымъ лицамъ, собранными въ „Русской Старинѣ“ (1880 годъ, т. XXIX), а также съ нѣкоторыми литературными его твореніями и біографическими о немъ свѣдѣніями, можемъ только подтвердить, что вышеприведенныя слова Гамлета— „онъ былъ весельчакъ и умница“—самый подходящій эпитафійный къ воспоминаніямъ о Ленскомъ, стяжавшемъ себѣ славу какъ водевильный драматургъ, переводчикъ пьесъ Беранже, какъ веселый, пріятный собесѣдникъ, острякъ и, нерѣдко, очень колкій эпитафистъ.

Собственно въ исторіи Русской драматической литературы Д. Т. занимаетъ мѣсто какъ талантливый и плодовитый водевильщикъ, и популярность его въ свое время въ средѣ общества, интересовавшагося театромъ, будетъ намъ отчасти понятна, если мы обратимъ вниманіе на то, что водевиль, доселѣ еще не покинувшій нашей сцены, пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ держалъ ту же сцену въ плѣну

и безгранично владѣлъ ею, не смотря на то, что первоначально пере-саженъ былъ на Русскую почву какъ заморское твореніе (родиной его была Франція). На сколько крѣпко привился водевиль на Русской сценѣ и насколько пришелся по вкусу публикѣ, можно судить по характерному изреченію Репетилова о томъ, что „водевиль есть вещь, а прочее—все гиль“, и такому мнѣнію о легкомысленномъ водевилѣ не будемъ удивляться, такъ какъ послѣдній своимъ реализмомъ, хотя только и внѣшнимъ, вытѣснилъ съ нашей сцены комическую оперу и напыщенную трагедію, дававшія уму и сердцу слушателя и зрителя слишкомъ мало пищи и притомъ крайне плохого качества или почти не дававшей никакой пищи, такъ какъ первая почерпала свое содержаніе преимущественно изъ міра фантастическаго и дѣйствовала на зрителя не столько содержаніемъ, сколько пѣніемъ и обстановкой, а вторая выводила на сцену классическихъ злодѣевъ въ традиціонной позитурѣ вращающихся зрачками, декламирующихъ безконечные моно-логи на языкѣ, ничего общаго съ человѣческимъ не имѣющемъ, и гибнущихъ въ борьбѣ съ скучною прописною добродѣтелью. Само собою разумѣется, что съ появленіемъ на сценѣ водевиля публика охотно отвернулась и отъ комической оперы, и отъ напыщенной тра-гедіи, надѣвшихъ ей до приторности своими фантастичностью и избитыми нравственными сентенціями, и сосредоточила свои сцени-ческіе вкусы на этомъ новомъ видѣ театральнаго „лицедѣйствія“, тѣмъ съ бѣльшею пріятностью, что водевиль, безъ претензій на нравствен-новоспитательную роль зрителей, поставивъ себѣ первоначально цѣлью выставленіе въ смѣшномъ видѣ, въ легкомъ и остроумномъ сцениче-скомъ дѣйствіи, слабостей, заботился исключительно о томъ, чтобы дѣйствіе шло увлекательно—быстро и заразительно-весело, вызывая самый живой смѣхъ въ публикѣ, и для достиженія этого результата считалъ дозволеннымъ изобиліе въ дѣйствіи каламбуровъ, самыя запутанныя положенія дѣйствующихъ лицъ, ѣдкое и замысловатое остро-уміе. Если мы въ наше время, когда для сцены имѣется большой запасъ рѣдкихъ по художественной отдѣлкѣ и по реальности содер-жанія пьесъ-драмъ, трагедій и комедій, не говоря уже о выдающихся по своей всесторонней художественности операхъ и опереткахъ, при-сутствуемъ съ удовольствіемъ при игрѣ водевилей: то тѣмъ болѣе тотъ же водевиль могъ завладѣть сценическими вкусами отечественной публики въ ту пору, когда для удовлетворенія этого вкуса служили, какъ мы уже сказали выше, только комическая опера съ ея фантасти-ческимъ содержаніемъ и напыщенная по своей крайней тенденціозности трагедія.

Въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтїя любовь нашего общества къ водевильнымъ пьесамъ была въ полной силѣ, и вкусамъ публики въ этомъ отношенїи вполне удовлетворялъ, какъ водевильный драматургъ, Д. Т. Ленскій.

Ленскій, настоящая фамилія коего была Воробьевъ, по своему происхожденію принадлежалъ къ зажиточной купеческой семьѣ и родился въ Москвѣ въ 1805 году. По семейнымъ традиціямъ отецъ предназначилъ его къ коммерческой дѣятельности и съ этою цѣлью помѣстилъ его для полученія спеціальнаго образованія въ Коммерческое Училище. По окончанїи въ 1819 году курса ученія, Д. Т. поступилъ было на службу въ контору одного Англійскаго купца въ Москвѣ, но занятія въ этой конторѣ ему не нравились, и онъ, по природному влеченію, началъ мечтать о сценической дѣятельности, пока наконецъ, послѣ предварительнаго дебюта, состоявшагося безъ вѣдома отца, не былъ зачисленъ, 14 Апрѣля 1824 года, въ казенную драматическую труппу. На Московскій сценѣ Ленскій оставался до конца своей жизни (умеръ 9 Декабря 1860 года), играя въ первое время роли водевильныхъ любовниковъ, а впослѣдствїи и другія комическія роли, какъ, на примѣръ Тартюфа и Хлестакова.

Но дѣятельность актера не была истиннымъ призваніемъ Ленскаго, и стремленіе его прїобрѣсти славу именно на этомъ поприщѣ не осуществилось: въ теченіе всей своей жизни онъ не выдѣлился изъ ряда посредственныхъ актеровъ. Извѣстность же онъ прїобрѣлъ, какъ авторъ многочисленныхъ водевилей, замѣтно выдѣлявшихся изъ ряда другихъ подобныхъ литературныхъ твореній сценичностью, жизненными комическими типами, веселымъ остроуміемъ и юморомъ куплетовъ, нерѣдко доводившихъ большую публику до неистовства, проявлявшагося ею въ знакъ полнаго довольства пьесою. Правда, что Д. Т., зная хорошо Французскій языкъ, большую часть своихъ водевилей передѣлалъ изъ Французскихъ водевилей или только перевелъ ихъ съ этого языка, замѣнивъ болѣе или менѣе удачно дѣйствующихъ лицъ (Французскихъ комми, гризетокъ и рантье) въ сидѣльцевъ гостиннаго двора, въ швеекъ съ Кузнецкаго моста и въ богатыхъ купцовъ Ножевой линїи, и тонкую Французскую соль, примѣнительно ко вкусу публики, крупнымъ „бузуномъ“...; но за то значительная часть блещущихъ веселымъ остроуміемъ и юморомъ куплетовъ въ этихъ водевиляхъ принадлежала собственной его Музѣ. Истиннымъ призваніемъ Ленскаго было поприще куплетиста, которому онъ, къ сожалѣнію, не послѣдовалъ. Самъ онъ, признавая цѣнность куплета, вотъ какъ опредѣлялъ въ стихахъ его роль на сценѣ:

Какъ посмотрѣть на всѣ проказы свѣта,
Куда смѣшонъ покажется намъ свѣтъ!
Что шагъ, то мысль родится для куплета,
И льется самъ изъ-подъ пера куплетъ.

Пиши куплетъ, когда дуракъ изъ грязи
Кой-какъ ничкомъ, ползкомъ протерся въ знать,
И вдругъ забылъ родства и дружбы связи
И никого теперь не хочетъ знать.

Пиши куплетъ, когда съ эспаньолеткой,
Въ усахъ, съ хохломъ, сидитъ въ театрѣ франтъ
И, съ важною вертя своей лорнеткой,
Вретъ всякій вздоръ и вслухъ бранитъ талантъ.

Пиши куплетъ, когда старикъ влюбленный
Вступаетъ въ бракъ съ кокеткой молодой:
Она родитъ, а онъ, отецъ законный
Ужъ думаетъ, что онъ отецъ родной.

Пиши куплетъ, когда лишь изъ расчета
Иной съ плеча строчить романъ начнетъ,
Коверкаетъ нещадно Вальтеръ-Скота,
И наконецъ выходитъ просто скотъ.

Пиши куплетъ, когда къ себѣ сосѣда
Столичный плутъ обѣдать позоветъ
И, между тѣмъ, его послѣ обѣда,
Какъ липочку, за банкомъ обдеретъ.

Пиши куплетъ, когда, желая лишку,
Въ свой бенефисъ расчетливый актеръ
Печатаетъ предлинную афишку
И публикѣ даетъ формальный вздоръ.

Какъ посмотрѣть на всѣ проказы свѣта,
Куда смѣшонъ покажется намъ свѣтъ!
Что шагъ, то мысль родится для куплета,
И льется самъ изъ-подъ пера куплетъ.

Театральная публика описываемаго нами времени настолько увлеклась водевилями, что безъ нихъ не обходился ни одинъ бенефисъ, если только актеръ, въ пользу котораго назначалось бенефисное представленье, желалъ обезпечить себѣ полный успѣхъ въ смыслѣ привлеченія публики. Даже такіе талантливые актеры, какъ И. И. Сосницкій П. А. Каратыгинъ и М. С. Щепкинъ, приводившіе тонкихъ знатоковъ сценическаго искусства въ восторгъ своею игрою разныхъ ролей въ классическихъ пьесахъ, и то иногда прибѣгали къ водевилю, какъ средству для привлеченія въ театръ публики. Такое вліяніе водевиля самъ Ленскій отмѣтилъ въ своей водевильной пьесѣ „Мужъ и Жена“ въ слѣдующихъ стихахъ:

Все, что́ бы ни говорили
 Въ журналахъ тамъ и тутъ,
 А нынче водевили
 Спектаклямъ жизнь даютъ.

Безъ водевильныхъ вздоровъ
 И бенефисъ нейдетъ:
 А бенефисъ—актеровъ
 Единственный доходъ!

Какъ человѣкъ хорошо и непосредственно знакомый съ театральнымъ міромъ, Ленскій въ своихъ куплетахъ оставилъ слѣдующее характерное описаніе состоянія въ его время театрального искусства въ провинціи.

Нашъ театръ провинціальный
 Смѣхъ и горе, стыдъ и срамъ!
 Что́ за зданье, что́ за зало!
 Какъ въ ней зрители сидятъ?

Масло постное и сало
 Все лице вамъ закоптятъ.
 Декораціи, машины
 И костюмы—чудеса!
 А артисты какъ мужчины,
 Такъ и женщины—краса.

Тутъ къ вамъ явится любовникъ,
 И въ мундирѣ—о злодѣй!
 По піесѣ онъ полковникъ,
 По пріемамъ—брадобрѣй.

При усахъ, забывъ о шиорахъ,
 Онъ быть ловкимъ норовить
 И съ княгиней въ разговорахъ
 Каблуками все стучить....

Закулисная княгиня,
 Нарумянись черезчуръ,
 Какъ ворона, ротъ разиня,
 Вдругъ отпустить вамъ банжуръ!

А въ трагедіяхъ—потѣха!
 Это вотъ ужъ изъ границъ!
 Средства нѣтъ смотрѣть безъ смѣха
 На героевъ и царицъ.

На распѣвъ стихи читаютъ
 И безсмыслицу всегда,
 Руки кверху задираютъ
 То туда, а то сюда!...

Не особенно весело жилось и актерамъ того времени, какъ объ этомъ можно судить по указаніямъ, сдѣланнымъ Ленскимъ въ слѣдующихъ комическихъ стихахъ:

Мы спокойствія не знаемъ,
Напролетъ ночей не спимъ,
Переводимъ, сочиняемъ,
Чтобы сборъ доставить имъ...

Хоть-бы цѣны-то платили
Не такія намъ за трудъ,
А то наши водевили
Чуть лишь даромъ не берутъ.

Посудите, ради Бога:
Не хотятъ, чтобъ вышла гниль,
А заплатятъ много-много
Сто рублей за водевилъ!

Сверхъ того, еще артисты
Роли выучатъ кой-какъ,
И вдобавокъ журналисты
Скажутъ автору: дуракъ!

А когда придешь на пробу,
Восхищайся иль молчи,
И ужъ дамскую особу
Ни въ словечкѣ не учи;

Если-жъ скажешь замѣчанье,
Раскапризятся какъ разъ...
Вотъ вамъ наше состоянье,
Вотъ что авторы у насъ.

Почти со всѣми наиболѣе талантливыми актерами его времени Д. Т. находился въ самыхъ близкихъ, а съ нѣкоторыми—и въ задушевно-дружескихъ отношеніяхъ. Такъ, наприм., съ П. А. Каратыгинымъ, тоже водевилистомъ, помогавшимъ Ленскому устроить свои водевили въ Петербургѣ, онъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ и называлъ его въ своихъ письмахъ „душечкой“, „Петей“ или „Петрушей Каратышкой“. Еще болѣе дружескими были его отношенія къ И. И. Сосницкому, хотя послѣдній и жилъ въ Петербургѣ. Дружба эта была взаимная, но главную роль въ ней занималъ Сосницкій, къ коему Ленскій относился съ восторженнымъ обожаніемъ, называя его въ своихъ письмахъ „ласковый“, „ненаглядный“, „благодѣтель“, „мой добрый другъ, отецъ, братъ и все! мой милый, высокій образецъ и чувства и искусства!“, „незабвенный и неизмѣнный“, „несравненный“ и т. п. Подъ этими же письмами Ленскій подписывался иногда „Митюхой“ или „Димитрій, пьяный мужъ“ и т. п. именами. Восторженное

отношеніе къ своему пріятелю Д. Т. выразилъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ немного шуточныхъ стихахъ:

Сосницкаго знаютъ въ обѣихъ столицахъ,
И знаютъ въ Россіи друзья и враги;
Сосницкій талантъ, добросовѣстность въ лицахъ,
Сосницкій есть грація въ видѣ брызги.

Радусіе, умъ, и талантъ, и брызгливость
Съ душою прекрасной въ немъ брызжутъ струей.
Къ нему невниманіе—несправедливость,
Вниманіе—хуже: какъ вскрикнетъ ой, ой!

Для характеристики же отношеній Ленскаго къ знаменитымъ артистамъ П. С. Мочалову и М. С. Щепкину мы приведемъ здѣсь слѣдующій любопытный разсказъ П. А. Каратыгина, вызывающій, кромѣ того, на грустные размышленія по поводу подчеркнутаго въ немъ нашего невниманія къ памяти о талантливыхъ соотечественникахъ. При всей своей восторженности и юношеской впечатлительности (разсказываетъ Каратыгинъ) Ленскій не расточалъ своихъ чувствъ, питая ихъ безъ разбора ко всѣмъ своимъ знакомымъ и сослуживцамъ. Изъ всей Московской драматической труппы онъ особенно любилъ и уважалъ П. С. Мочалова. Щепкина—уважалъ за высокій талантъ, но не любилъ какъ человѣка. Способность покойнаго Щепкина плакать и умиляться, его ласковость одинаковая со всѣми безъ изыятія, его увѣренія въ любви и въ дружбѣ каждому, едва знакомому человѣку—были не по сердцу Ленскому. При погребеніи Мочалова, въ 1845 году, Щепкинъ, заливаясь слезами, увѣнчалъ покойника лавровымъ вѣнкомъ, передъ самой той минутой, когда гробовая крышка навѣки скрыла лицо артиста отъ глазъ его друзей и почитателей... Кромѣ Щепкина, оплакали Мочалова весьма многіе; но могилу его постигла общая участь мѣстъ вѣчнаго успокоенія большинства бѣдныхъ смертныхъ: „схоронили-позабыли!“ И десять лѣтъ прошло со времени похоронъ Мочалова, и могила его пришла въ совершенное запущеніе... Посѣщали ее очень немногіе, и въ ихъ числѣ—Ленскій. Для напоминанія о покойномъ своемъ другѣ, какъ сотоварищамъ, такъ и представителямъ публики Ленскій избралъ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Щепкина (весною 1855 года). Послѣ тостовъ, поздравительныхъ стиховъ и рѣчей, которыми осыпали почтеннаго юбиляра многочисленные гости на его торжествѣ, Ленскій, вставъ съ своего мѣста, прочелъ присутствовавшимъ слѣдующее стихотвореніе, вылившееся изъ глубины сердца:

Въ засохшемъ лавровомъ вѣнцѣ,
Съ глубокой тоской на лицѣ,

Вчера мнѣ Мочаловъ приснился...
 Покойникъ вздохнулъ, прослезился—
 И грустно сказалъ мнѣ потомъ:

„Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
 Почтилъ меня Щепкинъ во гробѣ:
 Давно ужъ въ земной я утробѣ

Покоюсь по волѣ Христа.. .
 А нѣтъ надо мной и креста!

Травой заросла вся могила,
 И трудно дойти до нея...

Москва обо мнѣ позабыла,
 А я былъ любимцемъ ея!“...

И такъ, благородные гости,
 Внемите вы просьбѣ моей:
 Утѣшимъ Мочалова кости,—
 Поставимъ ему мавзолей.

Пусть каждый, кому что угодно
 Подпишетъ по волѣ своей,
 И кончимъ тогда благородно
 Мы Щепкинскій нашъ юбилей.

Еще болѣе рѣзко, по словамъ П. А. Каратыгина, Ленскій обошелся съ Щепкинымъ по поводу обнаруженной послѣднимъ большой безтактности постановкою на сценѣ въ день своего бенефиснаго спектакля (совпавшаго со днемъ взятія нашими непріятелями Севастополя) ультрапатріотической пьесы П. И. Григорьева „За вѣру, царя и отечество“, претящей всякому здравомыслящему человѣку своимъ нестерпимымъ шовинизмомъ, изліяніями самаго низкаго качества и дикой бессмыслицей содержанія, и произнесшимъ въ антрактѣ стихотвореніе А. С. Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“. Произведенное этимъ спектаклемъ удручающее впечатлѣніе просто взбѣсило Ленскаго, и вотъ онъ обрушился на Щепкина слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Сценическій талантъ въ комическихъ роляхъ
 Не есть еще всегда за здравый смыслъ порука,
 И комику нужны искусство и наука....
 Не то случается и въ опытныхъ лѣтахъ:

Невѣжество его, какъ бѣлмы на глазахъ.
 Сегодняшній спектакль доказываетъ это.

Что возвѣстила намъ вчерашняя газета?
 И нынче и вчера о чемъ всѣ говорятъ?

„Шесть было приступовъ—и Севастополь взять!“
 А нынче и вчера что намъ дадутъ въ спектаклѣ?
 Со сцены что кричатъ? Что всѣхъ мы бьемъ! Не такъ ли?

„За вѣру, за царя, отечество“ даютъ,
Стряпню Григорьева изъ кашеварныхъ блюдъ...

И съ этой грубою и пошлою стряпнею
Мѣшаютъ, наконецъ... Ну, Щепкинъ, Богъ съ тобою!
Сердись иль не сердись; но ты, братъ, старый шутъ,
И просто мѣдный лобъ проглядываетъ тутъ!

Какъ смѣть тревожить прахъ великаго поэта
И не ко времени стихи его читать?
Какъ смѣть народа честь на посмѣянье свѣта
Со сцены вслухъ, при всѣхъ, публично выставить?

Вѣдь тутъ, почтенный мой, не въ Фамусова роли;
Тотъ съ дуру Москвичей хвалою своей клеймилъ;
Но ты, какъ патріотъ, въ минуту тяжелой доли,
Какъ Русскій человѣкъ, на сцену выходилъ!

Когда бы ты прочелъ стишонки кой-какіе,
На нихъ не обратить вниманіе никто,
Хоть вирши, напримѣръ, Григорьева, а то...
А то-вѣдь Пушкина стихи: „Клеветникамъ Россіи“,

Побѣдные стихи ты прочиталъ! Вотъ что!
Какъ могъ ты не расчестъ, какъ могъ не догадаться,
Что если ужъ Господь рѣшилъ насъ испытать,
То мы должны терпѣть, мужаться—и молчать!

Съ разбитымъ рыломъ намъ неловко величаться
И побѣдителей безстыдно унижать!

По поводу приведенныхъ стихотворныхъ экспромптовъ Ленскаго слѣдуетъ также отмѣтить, что онъ несомнѣнно обладалъ далеко недюжиннымъ поэтическимъ дарованіемъ, которымъ, къ сожалѣнію, совершенно почти не воспользовался, избравъ для себя сценическую дѣятельность. Объ этомъ талантѣ Д. Т. свидѣтельствуютъ какъ его письма къ друзьямъ, такъ и стихотворенія и поэтическіе переводы, сохраняющіеся въ рукописяхъ. По свидѣтельству лицъ, знавшихъ близко Ленскаго, въ пріятельской пирушкѣ, подъ вліяніемъ шампанскаго, которое онъ любилъ, рѣчь его искрилась остроуміемъ; экспромпты слагались у него моментально, и онъ сыпалъ, какъ изъ рога изобилія, шутками, каламбурами, и стихотворныя рѣчи за рѣчю лились у него естественно и звучно, рѣзко и весело, какъ будто это былъ у него обычный способъ рѣчи. Даже стихами онъ защищался противъ нападокъ на него его литературныхъ критиковъ и неблагожелателей. Такъ, въ одномъ куплетѣ Д. Т. даетъ такую отвѣдь своимъ критикамъ:

Онъ не для славы, говорятъ,
А для товарищей трудится;
Когда за дѣло побраняетъ,
Смѣшно бы Ленскому сердиться;

Когда же стая пачкуновъ
По пустякамъ браниться стануть,
Онъ помнись, что сказалъ Крыловъ:
„Полають, да отстануты!“

Утрата близкихъ сердцу, важное событіе въ общественномъ быту, подвигъ геройства или вопіющая гнусность—бывали минутами истиннаго вдохновенія Ленскаго, всегда затрогивая чувствительнѣйшія фибры его сердца, и въ такія минуты онъ выражалъ свои впечатлѣнія звучными строфами, полными огня и страсти, или куплетомъ, проникнутымъ кипучею желчью.

У Д. Т. было по поэтическому таланту нѣкоторое сродство съ Французскимъ поэтомъ Беранже, и его переводы пѣсенъ этого поэта, которыми Ленскій, если бы ихъ издалъ въ свое время (но не могшій этого сдѣлать по милости цензуры своего времени, какъ объ этомъ свидѣтельствуесть П. А. Каратыгинъ) заслужилъ бы вниманіе современниковъ и потомства, были столь удачны, что даже великій и гениальный нашъ поэтъ А. С. Пушкинъ обратилъ на нихъ вниманіе и поощрялъ его продолжать свои опыты, преувеличивая его извѣстность, а многіе изъ куплетовъ Ленскаго сдѣлались даже достояніемъ народныхъ пѣсенниковъ. Лучшими его переводами знаменитыхъ куплетовъ Французскаго поэта являются стихотворенія: „Мой старый фракъ“, „Нищя“, „Гадальщикъ“, „Ты и вы“ и нѣкоторые другіе. Въ этихъ переводахъ Д. Т. удалось, такъ сказать, сохранить духъ Музы Французскаго поэта и внутренніе оттѣнки его стихотвореній. Какъ образецъ такого перевода, приводимъ здѣсь стихотвореніе „Мой старый фракъ“:

Будь вѣренъ мнѣ, пріятель мой короткий
Мой старый фракъ,—другого не сошью!
Ужь десять лѣтъ, то вѣничкомъ, то щеткой
Я каждый день счищаю пыль твою.

Пускай судьба смѣется надъ тобою,
Твое сукно съѣдая день отъ дня,—
Будь твердъ, какъ я, не падай предъ судьбою.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Я помню день утѣхъ и восхищенья,
Какъ въ первый разъ тебя я обновилъ:
День этотъ былъ—день моего рожденья,
И хоръ друзей здоровье наше пилъ.

Ты весь истертъ, но, несмотря на это,
Друзья у насъ—все прежніе друзья:
Ихъ не стыдитъ истертый фракъ поэта...
Мой старый другъ, не покидай меня!

Твои края постерлися немного:
Смотря на нихъ, люблю я вспоминать,
Какъ вечеркомъ однажды у порога
Она меня хотѣла удержать.

Невѣрная тѣмъ гнѣвъ мой умирила,
И я гостилъ у ней еще два дня:
Она тебя заштопала, зашила.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Мой другъ, тебя духами я не прыскалъ,
Въ тебѣ глупца и плута не казалъ,
По лѣстницамъ сіятельнымъ не рыскалъ,
Передъ звѣздой спины не изгибалъ.

Пускай иной хлопочетъ для отлички
Взять орденюкъ,—за нимъ не лѣзу я:
Два-три цвѣтка блестятъ въ твоей петличкѣ...
Мой старый другъ, не покидай меня!

Хоть мы съ тобой и много пострадали,—
Съ кѣмъ не знакомъ судьбы переворотъ?
У всѣхъ сви есть радости, печали:
То вдругъ гроза, то солнышко взойдетъ...

Но можетъ быть, что скоро въ ящикъ гроба
Съ моей души одежду сброшу я...
Такъ подожди: мы въ землю ляжемъ оба.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Весьма хороши и выразительно—сильны нѣкоторыя изъ оригинальныхъ стихотвореній Д. Т. Такъ, любуясь въ календарѣ на 1854 г. портретомъ Государя Императора, съ благоговѣніемъ взирая на его мужественныя, прекрасныя и благородныя черты, Ленскій невольно схватился за перо и написалъ слѣдующіе стихи:

Къ портрету Всероссійскаго Императора, приложенному къ календарю на новый 1854 годъ.

Вотъ онъ, Руси поведитель,
Богатырь нашъ, молодець,
Православія хранитель,
Вѣрноподанныхъ отецъ!

Велика его держава
И сильна рука его:
Гордость, радость, честь и слава
Онъ народа своего!

Нашу кровь—Ему, до капли:
Да свершить свои дѣла!..
Гдѣ вамъ, западныя цапли,
До Россійскаго орла!

Лучшими же изъ водевилей Ленскаго считаются „Левъ Гурычъ Синичкинъ, или провинціальная дебютантка“, „Хороша и дурна, и глупа и умна“, „Простушка и воспитанная“, „Свѣтъ невпопадъ“, „Стряпчій подъ столомъ“, „Харьковскій женихъ, или домъ на двѣ улицы“, „Гамлетъ Сидоровичъ и Оселія Кузьминишна“, „Барская спѣсь или Анютины глазки“, „Волчій ротъ, лисій хвостъ“ и нѣкоторые другіе. Всѣхъ водевилей было написано Д. Т. свыше семидесяти. Ему же принадлежитъ вполне оригинальная пьеса—либретто оперы: „Громобой“ (музыка Верстовскаго).

Собраніе водевилей Д. Т. издано было дважды подъ заглавіемъ: „Оперы и водевили“ и „Театръ Д. Т. Ленскаго“ (С.-Петербургъ 1874 г.). Последнее изданіе состояло изъ шести томовъ, въ кои вошли 54 пьесы.

Для полноты характеристики дѣятельности и личности Ленскаго неизлишнимъ будетъ также указаніе, что, по отзыву П. А. Каратыгина, онъ былъ человѣкъ честный, прямодушный, чуждый лукавства и двуличія. Не будучи слезливъ, онъ былъ искренно чувствителенъ, и въ его смѣхѣ часто звучали невидимыя слезы. Острый на языкъ и находчивый на слова, Ленскій имѣлъ немало недоброжелателей въ кругу людей, судящихъ о сердцѣ по языку.

С. Старосивильскій.

